Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Is. 3, pp. 502–521, 2019
DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-502–521
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК 821.512.37-398.8

О двух калмыцких народных песнях периода Великой Отечественной войны

Эльза Петровна Бакаева[1],
Татьяна Акимовна Убушиева[2]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, заместитель директора
ORCID: 0000-0002-5188-1202. E-mail: bakaevaep@kigiran.com

[2] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-8972-394X. E-mail: tanya-altana@bk.ru

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена двум малоизвестным калмыцким народным песням, записанным от ветерана труда, Заслуженного животновода Калмыцкой АССР, Заслуженного работника сельского хозяйства РСФСР, Почётного гражданина Республики Калмыкия, Героя Калмыкии Василия Манджиевича Очирова. Песни «Эвакуац» (’Эвакуация’) и «Ахнрин дун» (‘Песня о старших братьях’), сложенные в период Великой Отечественной войны, В. М. Очиров впервые услышал, будучи подростком. *Цель* статьи — введение в научный оборот этих уникальных образцов калмыцких народных песен, одна из которых по форме относится к протяжным песням (‘ут дуд’), вторая — к коротким песням (‘ахр дуд’). *Результаты.* Жанровый характер этих песен весьма сложен, они отражают реальные исторические события военного времени (1942 г.). Определенные характеристики этих песен позволяют отнести их к лирико-драматическим и даже лиро-эпическим песням. Вместе с тем в этих песнях содержатся и строки, которые можно отнести к вербальному компоненту обряда. Текст песни «Эвакуац» содержит рефреном повторяющуюся клятву-проклятье в адрес Гитлера, а текст песни «Ахнрин дун» — благопожелание-*йөрәл* в адрес старших братьев, ушедших на фронты Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: калмыцкая народная песня, Великая Отечественная война, эвакуация скота, битва за Дон, классификация песен, жанровые особенности, поэтика текста песен

Благодарности. Исследование проведено при поддержке государственной субсидии: проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации АААА-А19-119011490036-1). Авторы выражают глубокую благодарность ветерану труда, Почетному гражданину и Герою Калмыкии Василию Манджиеву Очирову за сохранение народной культуры и уникальную возможность публикации малоизвестных песен периода Великой Отечественной войны.

Для цитирования: Бакаева Э. П., Убушиева Т. А. О двух калмыцких народных песнях периода Великой Отечественной войны. Oriental Studies. 2019; (3):502–521. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-502–521.

UDC 821.512.37-398.8

The Great Patriotic War Period: Two Kalmyk Folk Songs Revisited

Elza P. Bakaeva[1]

Tatyana A. Ubushieva[2]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista, 358000, Russian Federation).
Dr. Sc. (History), Deputy Director
ORCID: 0000-0002-5188-1202. E-mail: bakaevaep@kigiran.com

[2] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista, 358000, Russian Federation)
Junior Research Associate
ORCID: 0000-0001-8972-394X. E-mail: tanya-altana@bk.ru

Abstract. *Introduction.* The article deals with two little-known Kalmyk folk songs recorded from Vasily M. Ochirov, a Veteran of Labor, Honored Worker of Agriculture of Kalmykia, Honored Worker of Agriculture of Russia, Honorary Citizen of the Republic of Kalmykia, Hero of Kalmykia. V. Ochirov first heard the songs '*Evakuats*' ('Evacuation') and '*Akhnrin Dun*' ('A Song about Elder Brothers') composed during the Great Patriotic War when a teenager. Goals. The paper aims to introduce the unique samples of Kalmyk folk songs into scientific discourse, one of the songs being identified as a lingering one (Kalm. *ut dun*), the second one — as a short song (Kalm. *ahr dun*). Results. The genre characters of the songs are complicated enough; they describe real historical war-time events (1942). Certain features of these songs qualify them as lyrical-dramatic and even lyrical-epic songs. At the same time, the songs contain verses that may be identified as verbal components of a ritual. The text of the song '*Evacuation*' contains a refrain repeated words — a curse (Kalm. *kharal*) against Hitler, and the text of the song '*Ahnrin Dun*' — good wishes (Kalm. *yoräl*) towards elder brothers who had joined the Red Army in the Great Patriotic War.

Keywords: Kalmyk folk song, Great Patriotic War, evacuation of cattle, battle for the Don, classification of songs, genre features, poetics of lyrics

Acknowledgements: Research was performed within a government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (State Reg. No. AAAA-A19-119011490036-1).
The authors express deep gratitude to the Veteran of Labor, Distinguished Citizen and Hero of Kalmykia Vasily M. Ochirov for the preserved items of folk culture and the granted unique opportunity to publish the little-known Great Patriotic War songs.

For citation: Bakaeva E. P., Ubushieva T. A. The Great Patriotic War Period: Two Kalmyk Folk Songs Revisited. Oriental Studies. 2019;(3):502–521. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-502–521.

Исследование калмыцкой народной песни как составляющей устного народного творчества и музыкального искусства калмыцкого народа актуально в контексте сохранения песенной традиции в современных условиях глобализирующегося общества.

Калмыцкая песенная традиция освещалась в ряде работ исследователей. Начало ее изучению, как и в целом калмыцкой культуры, положено в трудах первых академических путешественников XVIII в. Так, в описании калмыков, приведенном П. С. Палласом, упоминалось: «Песни их содержат баснословные рассказы о богатырях и любовных похождениях. Но голоса оных не плавны и не жалостны» [Паллас 1799: 16], а в книге, собравшей сведения о монгольских народах, были приведены и примеры шести калмыцких песен, из которых пять имели лирический характер, а одна посвящена откочевке калмыков 1771 г. на восток [Pallas 1776: 153–156].

Среди разновременных записей калмыцких народных песен следует назвать работы И. В. Добровольского [Азиатский музыкальный 1816], Н. А. Нефедьева [Нефедьев 1834], Г. Балинта[1] (см.: [Kalmyk folklore 2011]), С. Г. Рыбакова [Рыбаков 1897] и др.

Особое место в истории изучения калмыцких песен принадлежит А. М. Листопадову (см.: [Шивлянова 1999]), А. Д. Рудневу, опубликовавшему 46 песен калмыков, а также «танцевальные мелодии» и «духовные мелодии» [Руднев 1909], Г. Й. Рамстедту, материалы которого, собранные в начале XX в., были опубликованы в начале 1960-х гг. [Ramstedt 1962; Ramstedt, Aalto 1966], Н. Очирову [Очиров 2006].

В советский и постсоветский периоды эта тема освещалась в ряде работ Н. К. Вольковича и Н. Ц. Эрендженова [Калмыцкая народная 1963], Б. Б. Оконова [Оконов 1984; 1989; Төрскн һаврин 1989], Н. Ц. Биткеева [Биткеев 2005], Т. Г. Басанговой [Борджанова 2007; Басангова 2010], Е. Э. Хабуновой [Хабунова 1998], Л. Ц. Цебикова [Сто калмыцких песен 1991], В. К. Шивляновой [Шивлянова 1999; 2010], Г. А. Дорджиевой [Дорджиева 1999; 2000; 2018], Б. Б. Манджиевой [Манджиева 2014а; Манджиева 2014б; а также: Басангова, Манджиева 2003], Д. В. Убушиевой [Убушиева 2013], Э. П. Бакаевой [Бакаева 2014], Б. М. Коваевой [Коваева 2017], Б. Х. Борлыковой [Борлыкова 2014] и др.

Как отмечает Б. Б. Манджиева, «…калмыцкие народные песни необычайно богаты по своему идейному и художественному содержанию. Художественные средства языка и приемы композиции калмыцкой народной песни отличаются ярким своеобразием, находятся в специфическом неразрывном единстве с такими компонентами формы, как сюжет, стих, мелодия, составляя цельную художественную систему, которая является выражением стилевого облика, неповторимой стилевой индивидуальности песенного жанра» [Манджиева 2014б: 105].

Вопросы сохранения традиционной песни калмыков как важного пласта национального культурного наследия, прежде всего, связаны с задачами выявления и записи народных песен, что возможно в процессе полевых исследований и изучения разных источников. Теоретические проблемы исследования форм сохранности и трансформаций песенной традиции находятся в прямой связи с состоянием текстологических исследований, одной из важных задач которых является выявление мотивных фондов песен и их подвижности.

Калмыцкие народные песни периода Великой Отечественной войны недостаточно исследованы. Вместе с тем интерес к песням военных времен в обществе сохраняется, что обусловлено возрастающим значением культурного наследия народа, а также актуальностью патриотического воспитания молодежи. В песнях периода Великой Отечественной войны нашли отражение значимые исторические события и судьба советского, в том числе калмыцкого, народа.

В Научный архив Калмыцкого научного центра Российской академии наук заместителем руководителя Администрации г. Элисты Галиной Васильевной Васькиной передана копия письма ее отца, Василия Манджиевича Очирова, которое он направил 29 апреля 2015 г. в редакцию газеты *«Хальмг үнн»*. В письмо В. М. Очиров включил тексты двух калмыцких народных малоизвестных песен и воспоминания о пребывании в Сибири в годы ссылки. К сожалению, в газете письмо не было опубликовано полностью, из текстов песен на ее страницах вышли в свет лишь несколько строк. Наша задача — ввести в научный оборот уникальные тексты калмыцких песен периода Великой Отечественной войны, которые представляют особые образцы песенной традиции, созданные в сложнейших исторических условиях.

Василий Манджиевич Очиров — Заслуженный животновод Калмыцкой АССР, Заслуженный работник сельского хозяйства РСФСР, Почётный гражданин Республики Калмыкия, кавалер орденов Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», награжден золотой, серебряной и бронзовой медалями Выставки достижений народного хозяйства (ВДНХ) СССР. В 2017 г. В. М. Очиров удо-

[1] Габор Балинт собирал материалы среди калмыков в 1872 г. Его рукопись содержала разнообразные по характеру записи, в том числе 16 песен, которые вместе с богатейшими материалами по калмыцкой культуре опубликованы в 2011 г. в Будапеште Агнеш Бирталан в сотрудничестве с калмыцкими коллегами.

Василий Манджиевич Очиров с супругой Бюрюн Эрдниевной Очировой (Джалкаевой). 1956 г. [Vasily M. Ochirov with his wife Byuryun E. Ochirova (Dzhalkaeva).1956]

В. М. Очиров — студент ветеринарного техникума, г. Новосибирск. 12.06.1955. [V. M. Ochirov — a student of Novosibirsk Veterinary School. June 12, 1955]

стоен высшей степени отличия, учрежденной в Республике Калмыкия, — звания Герой Калмыкии.

Уроженец Яшкульского района Калмыкии, В. М. Очиров вместе со всем калмыцким народом подвергся насильственной депортации в 1943 г. и оказался в Новосибирской области, где закончил семь классов и поступил в ветеринарный техникум. После возвращения на родину несколько лет работал в хозяйствах Ростовской области, а с 1961 г. вся его трудовая жизнь была посвящена сельскому хозяйству родного района, где до настоящего времени он продолжает жить и работать.

Во время Великой Отечественной войны В. М. Очиров проживал в сёлах Утта и Хулхута Яшкульского района Калмыцкой АССР, где шли ожесточенные бои. Подросток воочию видел ужасы войны, являлся свидетелем героических подвигов советских солдат — воинов Красной Армии, в том числе и земляков.

Письмо ветерана было направлено в республиканскую газету накануне празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, и ясно, что оно было продиктовано желанием напомнить читателям о подвиге народа и вкладе калмыков в общую Победу. Вместе с тем в письме звучит горечь воспоминаний о военном времени: 28 декабря 1943 г. калмыцкий народ в ходе операции «Улусы» подвергся насильственной депортации в восточные районы СССР; национальная автономия калмыков была ликвидирована на основании указа Президиума Верховного совета СССР от 27.12.1943 «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР».

В своем письме В. М. Очиров с болью пишет: «...За что нас выселили в Сибирь как предателей, изменников Родины? Высылаю вам две песни, прочитав их, народ еще раз подумает и скажет, что мы были не предателями, а патриотами».

Ниже мы приводим текст песни, записанной В. М. Очировым (перевод Т. А. Михалевой и Э. П. Бакаевой).

«*Эвакуац гидг дун*» (Песня ‘Эвакуация’)[23]

Август сарин дөрвнд	Четвертого августа
Эвакуац кеһәд һарлав.	Эвакуировать [скот] я отправился.
Эвакуац кеһәд һарсндан зовсн угав,	Не за то, что в эвакуацию отправлюсь, переживал,
Энләд үлдсн ээҗдән зовлав.	За оставшуюся горевавшую мать переживал.
Энл[үл]әд [ээҗим] үлдәсн, Гитлер, чамаг	За то, что [мою мать] горевать заставил, Гитлер, тебя [подвергнем такому] —
Элкн, нурһн деерн өөк шархм лавта!	На [твоей] спине жир точно поджарим!
Сентябрь сарин дөрвнд	Четвертого сентября
Сергмжтә һолан һатллав,	Через бурную реку я переправился.
Сергмжтә һолыг һатлсндан зовсн угав	Не за то, что через бурную реку переправлюсь, переживал,
Салад үлдсн ээждән зовлав.	За мать, расставшуюся [со мной], переживал.
Салһад [ээҗим] үлдәсн, Гитлер, чамаг	За то, что [мою мать] расстаться заставил, Гитлер, тебя,
Самолётын җиврәр дарад алхм лавта!	Крылом самолета придавив, точно уничтожим!
Налаһад йовдг хөөдән *Нарн-Худгар дәврүләд туулав,*	Некогда [степь] заполнявших овец Через Нарын Худук я гнал.
Нарн-Худгар дәврсндән зовсн угав,	Не за то, что гнал через Нарын Худук, переживал,
Нульмста үлдсн ээҗдән зовлав.	За мать, оставленную в слезах, переживал.
Нульмста [ээҗим] үлдәсн, Гитлер чамаг	За то, что [мать] в слезах оставить пришлось, Гитлер, тебя,
Номин җидәр шахад алхм лавта!	Праведным копьем пронзив, точно уничтожим!
Әрә ишкдг адуһин	Еле волочащих [ноги коней] табун
Әәдрхн балһсинь дәврүлж туулав.	Через Астрахань я гнал.
Әәдрхн балһсарнь дәврүлсннь зовсн угав,	Не за то, что гнал через Астрахань, переживал,
Ардан үлдсн ээждән зовлав.	За мать, оставшуюся позади, переживал.
Ардм [ээҗим] үлдәсн, Гитлер, чамаг	За то, что [мать] пришлось позади оставить, Гитлер, тебя
Аля бомбин осколкар дарад алхм лавта!	[Летящими] стремительно осколками бомбы точно засыплем!
Борлад йовдг хөөдән	Овец, от которых [степь] серой была,
Богд ууларнь дәврүлҗ туулав.	Мимо горы Богдо я гнал.
Богд ууларнь дәврсндән зовсн угав,	Не за то, что гнал мимо горы Богдо, [я] переживал,
Ууляд үлдсн ээждән зовлав.	За оставшуюся [позади] плачущую мать переживал.
Уул[юл л]ад [ээҗим] үлдәсн, Гитлер, чамаг	За то, что заставил оставить [мою мать] плачущей, Гитлер, тебя,
Бу жидин үзүрәр өргәд алхм лавта!	Подняв на штыке ружья, точно уничтожим!
Хойр сарин туршарт йовад,	Два месяца в пути проведя,
Хасгин нутгтнь ирләв.	До казахской земли я добрался.
Хасгин нутгт ирсндән зовсн угав,	Не за то, что дошел до казахской земли, переживал,
Хәләһәд үлдсн ээҗдән зовлав.	За мать, оставшуюся [ждать], всматриваясь [в дорогу], переживал.
Хәлә[л]һәд [ээҗим] үлдсн, Гитлер, чамаг	За то, что [мою мать] заставил ждать, всматриваясь [в дорогу], Гитлер, тебя,
Өргәд алхм лавта!	Подняв [на штыке[2]], точно уничтожим!
Җирн хонгт йовад,	Шестьдесят суток в пути проведя,
Җирһлтә нутгтнь ирләв.	До земли, где не было войны[3], я дошел.

[2] Здесь надо понимать «на штыке», поскольку ранее в песне поется о том, что поднимет на штыке ружья. Но далее в песне поется о том, что врага уничтожат, пронзив острием копья, поэтому в переводе на русский язык в этом месте можно написать и «на копье».

[3] Буквальный перевод калмыцкого текста здесь: «до счастливой земли» (т. е. земли, где не было войны).

Җирһлтә нутгнь ирсндән зовсн угав,	Не за то, что дошел до земли без войны, переживал,
Җирлһн болад үлдсн ээҗдән зовлав.	За мать, что осталась вдали, как мираж, переживал,
Җирлһн болад [ээҗим]үлдәсн, Гитлер, чамаг	За то, что [моя мать] осталась вдали, как мираж, Гитлер, тебя,
Җид шорин үзүрәр шахад алхм лавта!	Острием копья пронзив, точно уничтожим.
«*Ахнрин дун*» (‘Песня о старших братьях’)[3]	
Донын һолын дәәнднь	На войну, [грохотавшую] на Дону,
Дегц ахнр мордва.	Разом старшие братья ушли.
Дегц мордсн мана ахнр	Разом ушедшие наши старшие братья
Дәәнәс менд иртхә.	Пусть живыми вернутся с войны.
Барун захин герт бухад һарсин үзләв —	Увидел [я], как из крайнего справа дома [они] неудержимо вышли,
Бүләкн нульмсн асрхна.	— теплые слезы полились [из глаз].
Дон һолын усиг	Через реку Дон
Девлтәһән, һостаһан һатллав,	В тулупе и сапогах я переправился,
Девлтәһән, һостаһан һатлв чигн,	Хотя в тулупе и сапогах я переправился,
Деерк теңгрм өршәтхә.	Пусть высшие небесные силы благословят.
Шин малтсн окопт	В только что вырытом окопе,
Шинеләр ораһад кевтләв,	В шинель завернувшись, я лежал,
Шинеләр ораһад кевтв чигн,	Хотя, в шинель завернувшись, я лежал,
Ик цаһан пароход	Огромный белый пароход
Иҗлин дунд шәргнә.	По Волге шумно проплывал.
Ирхәр одсн мана ахнр	Наших старших братьев, отправившихся, чтобы возвратиться,
Ирх болзгасн давв.	Время возвращения уже истекло.
Аавин уйсн эмәл, хазар	Отцом изготовленные седло и узда
Авдртнь зеврнә,	Так и заржавели в сундуке,
Аав, ээҗ менд йовхла,	Если отец и мать будут живы еще,
Аштнь эргәд ирхвидн.	То возвратимся-вернемся мы все же назад.

В письме Василий Манджиевич Очиров также писал: «…Песня не вся, есть и другие куплеты, говорящие о нашем участии в делах, программах великого Союза Советских Республик …». И далее с горечью и болью — о насильственной депортации: «Но незаконное переселение, репрессия как врагов народа, как предателей до сих пор саднит моё сердце... Мне сейчас 83 года. В Сибирь попал 11-летним мальчишкой. Несмотря на малый возраст, всё делал для Победы ... За свой труд, общественную активность заслужил…: орден «Знак Почета», орден Трудового Красного Знамени, орден Октябрьской Революции, орден Ленина. За многолетний труд в Калмыкии мне было присвоено звание Почетного гражданина Республики Калмыкия. Несмотря на возраст (83 года), до сих пор работаю. Крестьянское хозяйство «Тег» в Яшкульском районе я создал ещё при СССР (в 1991 году). Так что я искренне поздравляю всех с днем Великой Победы… давшей нам возможность жить, радоваться, растить детей. А самое главное — мы поняли, что нас нельзя победить, унижать. Всем здоровья, благополучия! С уважением, Василий Манджиевич Очиров».

Редакция газеты «*Хальмг үнн*» в ответ на данное письмо опубликовала две статьи журналиста Г. К. Хечиевой: одну на русском языке, посвященную депортации калмыцкого народа, другую — на калмыцком языке (посвященную юбилейной дате (85-летию) Очирова Василия Манджиевича). В то же время тексты песен не были исследованы и опубликованы.

[4] Перевод названия песни «Ахнрин дун» — ‘Песня старших братьев’, но по содержанию это — «Песня о старших братьях».

Великая Отечественная война — это не только триумф, но и трагедия всего советского народа. Война прошла по судьбам всех людей, независимо от нации и вероисповедания. Письмо ветерана труда В. М. Очирова — один из документов исторической ценности. Оно имеет большое значение в связи с записью калмыцких песен периода Великой Отечественной войны, о которых известно немногое — хотя, вероятно, их было немало — ведь песенная традиция у калмыков была весьма развитой. Как отмечает Э. У. Омакаева, приводящая всего пять названий песен военного времени, «Характерной особенностью калмыцких военных песен является то, что их названия представляют, в основном, антропонимы: „Түмдән Тәәхә“[4], „Әәт майор“, „Эрднин Боова“, „Муучкан Бевүш“, „Шаакуһа Көгдә“ и др. Герои этих песен, когда началась война, добровольно ушли на фронт, откуда многие из них не вернулись. В песнях военного времени в наибольшей степени ощущается, с одной стороны, полнота бытия, а с другой — трагичность происходящего в связи с прерыванием нормального хода жизни и расставанием с домом, родными и близкими. Поэтому „мотив грусти в цикле военных песен является типичным“[5]» [Омакаева 2010: 72].

Вместе с тем остается открытым в научном плане следующий вопрос: как повлияли условия депортации на продуктивность песенной традиции? Несомненно, что рассеянность населения Калмыкии по просторам всей восточной части страны, изолированное расселение и запрет на выезд из мест спецпоселений не способствовали сохранению традиционных механизмов передачи культуры. В определенной мере эти условия могли и негативно повлиять на бытование песенной традиции. Свидетельство тому мы также видим в строках письма В. М. Очирова, пишущего с болью о депортации калмыцкого народа.

Когда же и кем были сложены песни «*Эвакуац*» и «*Ахнрин дун*»? Каковы их мотив, мелодия, каков ритм песен, характер их исполнения? Все эти вопросы были заданы Василию Манджиевичу Очирову Т. А. Убушиевой во время встречи и краткого интервью 26 февраля 2019 г.[6], состоявшейся благодаря содействию его дочери, Г. В. Васькиной.

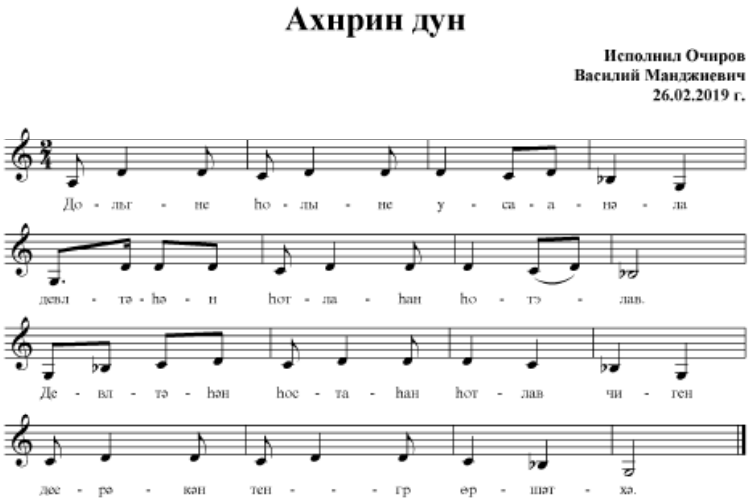

Рис. 1. Нотная запись песни «Ахнрин дун». [Fig. 1. Musical notation to the song '*Ahnrin Dun*'].

Во время интервью Василий Манджиевич рассказал, что он родился 22 мая 1932 г. в Ацан Худук Яшкульского района, происходит из рода харахусовских калмыков-торгутов — *эрднихн*. С горечью и сожалением он вспоминает, как его одиннадцатилетним ребенком вместе с матерью, старшим братом и отцом отправляли в ссылку в Сибирь в 1943 г. Они попали на станцию Болотная, работали в колхозе, в деревне проживало всего 4 калмыцкие семьи.

[4] Из сборника: [Сто калмыцких песен 1991].

[5] Здесь Э. У. Омакаева ссылается на работу [Биткеев 2005: 123]

[6] Встреча и интервью состоялись в республиканском госпитале ветеранов войн Республиканской больницы им. П. П. Жемчуева (г. Элиста).

В. М. Очиров с супругой Б. Э. Очировой, сыном Анатолием, а также О. Сенглеевым и Д. Манхаевым на своей стоянке. Совхоз Гашунский. 1976 г. [V. M. Ochirov with his wife B. E. Ochirova, son Anatoly, O. Sengleev and D. Mankhaev in his livestock entrepot. Gashunsky Sovkhoz. 1976]

Вручение председателем Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР И. Е. Намсиновым ордена «Знак Почета» В. М. Очирову. 1973 г.
[Chairman of the Presidium of the KASSR's Supreme Council I. E. Namsinov awarding V. M. Ochirov with the Order of the Badge of Honor]

К сожалению, В. М. Очиров не смог пропеть песню «*Эвакуац*», но отметил, что она относится по своей форме к протяжным песням *ут дуд*. По словам ветерана, « *... шин һарсн дууд дәәнә цагла гиһәд маднд дуулҗ өглә. Тиигәд бидн дасад, ... дуулла-видн. „Эвакуац“ гиһәд дун гиҗ, тер мана районд хальмг Бүрчә гидг нертә прокурор билә. Тедн йовһар ирәд, манад хонад, тер ду дуулв*». '… новые песни во время войны нам пели. И мы разучивали, пели. Если говорить о песне «Эвакуация»: в нашем районе был калмык Бюрчя, известный прокурор. Он пришел к нам пешком [в дом], заночевал, [и во время пребывания] спел эту песню'.

Таким образом, благодаря информации В. М. Очирова можно сделать вывод, что песня «*Эвакуац*» предположительно написана в конце 1942 – начале 1943 гг., авторы слов и музыки неизвестны. К сожалению, мотив и мелодия данной песни пока не восстановлены.

Из второй песни — «*Ахнрин дун*» 'Песня о старших братьях' — В. М. Очиров напел три куплета. Песня относится по своей форме к коротким песням *ахр дуд*; предположительно, должна исполняться под аккомпанемент калмыцкой домбры и саратовской гармони (ритмический рисунок 2/4, темп PRESTO).

Важным моментом анализа вводимых в научный оборот песен является определение их жанровой принадлежности.

В калмыцкой фольклористике вопросы классификации народных песен разрабатываются, но единой классификации еще нет [Шивлянова 2010: 343].

А. В. Бурдуков выделял среди протяжных песен лирические песни о природе, связанные с родными кочевьями; семейно-бытовые песни; лирические песни, тематику которых составляют отдельные исторические события, личности и связанные с ними военные подвиги; любовные песни [цит. по: Шивлянова 2010: 342].

Исследователи предлагают разные подходы в классификации: **по форме** (короткие или протяжные), **по тематике** (исторические, календарные, свадебные песни [Оконов 1989: 3−26]; исторические, лирические (преимущественно любовные), обрядовые (свадебные) и трудовые песни [Эрдниев 2007: 349−351]; пировые '*нәәрт дуулдг дуд*', исторические ('*тууҗин дуд*'), сопровождающие ритуал подношения и т. д. [Хабунова 1998: 9−43]), **по адресату и месту исполнения** (исполнявшиеся буддийским священнослужителям '*гелң-ламнрт дуулд*г'; матери и отцу '*аав-ээҗ-дан дуулдг*'; представителям высших сословий '*хад-нойдудт дуулдг*'; братьям и сестрам '*ах-дүүнртән дуулдг*'; исполнявшиеся на свадьбах песни-гимны '*частр*', песни-восхваления '*магтал*', песни с подношением '*сөңгин дуд*', песни-назидания, песни, вызывающие плач невесты; песни,

Вручение государственной награды «Герой Калмыкии». 2017 г.
В центре — Василий Манджиевич Очиров. Слева — его дочь, зам. главы Администрации г. Элисты Галина Васильевна Васькина, справа — зам. главы Администрации Яшкульского района Республики Калмыкия.
[Receiving the Hero of Kalmykia award. 2017. In the center — Vasily M. Ochirov, to his left — daughter, Deputy Chief Executive of Elista City Municipality Galina V. Vaskina, to his right — Deputy Chief Executive of Yashkul District Municipality]

которые пели перед проводами в дорогу, и т. д.) [Хабунова 1998: 9–43; 2005: 78].

Необходимо также отделить обрядовые и внеобрядовые песни. Среди обрядовых песен Т. Г. Басангова выделяет свадебные песни; календарные песни; трудовые песни; «песни-приручения животных»; песни-заклинания; обрядовые застольные песни [Басангова 2010: 335–339].

Б. Б. Манджиева выделяет среди калмыцких песен «ут дун» (ʻпротяжную песню’) и «ахр дун» (ʻкороткую песню’) и в статье о религиозных песнях отмечает, что протяжные песни делятся на эпические, исторические, обрядовые и бытовые [Манджиева 2014б].

Классификация предполагает выделение единых принципов и подходов к анализу формы и содержания. При этом к группе песен, выделяемых по форме, в калмыцкой традиции могут относиться разнообразные в содержательном (образно-поэтическом) плане образцы песен. Важным моментом является соотнесение филологической и музыковедческой классификации песен. В свете этой задачи формальные признаки (протяжные или короткие песни) выступают на первое место, при этом необходимо отметить, что протяжные песни *‘ут дуд’* принято называть старинными песнями *‘кезәңк дуд’* или *‘хуучн дуд’* [Шивлянова 2010: 343–344].

Песни, тексты которых были записаны В. М. Очировым, представляют образцы протяжной и короткой песен. Анализ их содержания подтверждает тезис о сложности классификации народных песен. По образно-поэтическому содержанию они относятся к лирическим песням, в них отражаются чувства и переживания героя, звучит боль расставания, разлуки с ушедшими на фронт либо оставшимися вдали, дома, родными. Это отмечают многие исследователи: в калмыцких народных песнях периода войны зафиксированы лирические мотивы в основном личностного плана — недаром

большая часть песен носит названия-антропонимы. Вместе с тем песни «*Ахнрин дун*» и «*Эвакуац*» можно отнести к историческим и лирико-драматическим, а возможно, к лиро-эпическим, причем вторую песню можно определить также и как один из вариантов промежуточного типа обрядовой песни.

Об историчности указанных песен

В песне «*Эвакуац*» повествуется об эвакуации скота, которую герой песни начинает 4 августа 1942 г., указываются точные даты, когда перегонщики скота переправлялись через реку (4 сентября), прогоняли эвакуированный скот через Нарын Худук (ныне поселок в Черноземельском районе Калмыкии), и двухмесячный период прогона скота до конечной точки — земель западной части Казахской ССР. В тексте песни прослеживается маршрут эвакуации скота, отмечаются географические названия: Нарын Худук, Астрахань, затем находящаяся на левобережье Волги гора Богдо, мимо которой прогоняли эвакуированный скот в казахские степи.

Содержание песни подтверждается историческими сведениями. В соответствии с постановлением Бюро Обкома ВКП (б) и Совета Народных Комиссаров Калмыцкой АССР от 2 августа 1942 г. «О перегоне скота колхозов, совхозов и скота личного пользования колхозников и единоличных хозяйств Калмыцкой АССР, за исключением приморских и приволжских улусов, в Заволжье» предписывалось: «весь скот колхозов и совхозов, колхозников и единоличных хозяйств Западного, Яшалтинского, Приютненского[7], Троицкого, Кетченеровского, Сарпинского, Малодербетовского, Черноземельского, Юстинского улусов и колхозов г. Элисты, а также пригородное хозяйство горсовета и подсобное хозяйство НКВД эвакуировать с переправой через р. Волгу в глубь страны» [Калмыкия в Великой Отечественной 1966: 137]. К этому времени немецко-фашистские войска уже вторглись на территорию республики: 2 августа 1942 г. они были уже в 15–30 км от Западного и Яшалтинского улусов [Калмыкия в Великой Отечественной 1966: 540], а 12 августа 1942 г. они ворвались в столицу Калмыцкой АССР — Элисту.

Трагичность событий описываемой в песне эвакуации, ее стремительный характер становятся понятными в свете следующих фактов. Только 2 августа, когда враг уже вторгся в пределы территории республики, органы власти издали постановление о немедленной эвакуации скота и создали республиканский штаб по руководству перегоном и переправкой скота [Калмыкия в Великой Отечественной 1966: 137; История Калмыкии 2009: 477]. К. Н. Максимов дает объективную оценку этому документу: «Данное постановление является документальным свидетельством того, что Калмобком ВКП(б) и СНК КАССР не были готовы спасти от врага скот, имущество хозяйств и само население. На этом заседании впервые рассматривались и были утверждены представленные наркомземом республики маршруты перегона скота от улусов до Волги, создан штаб „для руководства прогоном эвакуируемого скота, организации переправ…“. Намеченные пути оказались совершенно не готовыми к перемещению огромного количества скота и обслуживающего его персонала…» [История Калмыкии 2009: 478].

К середине августа 1942 г. немецко-фашистские военные части захватили территории «8 улусов (пять полностью — Западный, Яшалтинский, Приютненский[8], Троицкий, Сарпинский; три частично — Кетченеровский, Малодербетовский и Черноземельский) республики из 13 и город Элисту с тремя пригородными колхозами» [История Калмыкии 2009: 491].

Что означает для героя песни эвакуация, в которую он в скором порядке (а может быть, и внезапно), за один день (3 августа), был вовлечен? Это не просто разлука с матерью, разлука с домом — это разлука с родиной, которая в течение ближайших дней была захвачена врагом, что особенно трагично в свете сознания того, что и мать, и родной дом, и вся семья остались позади, там, куда пришла война, в то время как герой песни спасает (эвакуирует) скот.

Сам герой песни, отправившийся в эвакуацию 4 августа, через один день после принятия вышеуказанного постановления Бюро Обкома КПСС и СНК КАССР, как и

[7] Так в книге: [Калмыкия в Великой Отечественной 1966: 137]. Район в 1942 г. назывался Приютинским, но при составлении сборника документов он стал упоминаться по более позднему названию — Приютненский.

[8] Так в источнике.

другие калмыки — перегонщики скота, должен был следовать до территории Западного Казахстана, где находились во время передержки скота колхозники-«гонщики скота», что следует из постановлений Совета Народных Комиссаров Калмыцкой АССР и бюро обкома ВКП (б). Так, в Постановлении Совета Народных Комиссаров Калмыцкой АССР и бюро Обкома ВКП(б) «О перегоне эвакуированного скота колхозов и совхозов Калмыцкой АССР в Казахскую ССР» № 485 от 30 августа 1942 г. (принятом на заседании в пос. Кануково[9] отмечалось, что к 27 августа 1942 г. на левый берег Волги было переправлено более 600 тыс. голов скота из Калмыцкой АССР и Ростовской области, но дальнейший маршрут движения скота в Казахскую ССР не был установлен (что создавало угрозу гибели скота), поэтому было решено: «Установить дальнейшее движение скота совхозов и колхозов КалмАССР по левой стороне реки Волги до пунктов: 1) Морозов; 2) Караколь; 3) Скляров, 4) Джумангаликысла, 5) Сайхин[10] [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1082. Л. 72–73] .

В Западно-Казахстанской[11] области скот колхозов Калмыцкой АССР находился в течение года: лишь в августе 1943 г. началась в связи с освобождением территории Калмыкии подготовка к реэвакуации скота обратно в республику.

Стремительность событий августа 1942 г., масштабы эвакуации скота (из оккупированных улусов было эвакуировано 519 354 головы скота, из прифронтовых улусов — 258 478 голов скота, всего 777 832 головы скота, а 713 498 голов скота остались на оккупированной территории)[12] позволяют осознать их драматизм и сопоставить их с поистине эпической картиной: около полутора миллиона голов разделенного полосой войны скота, половину из которого сопровождают вырванные из мирной жизни перегонщики скота и контролирующие маршруты и сроки перегонов лица; двухмесячный переход, включивший переход на возведенных в спешном порядке переправах через Волгу.

Песня «*Ахнрин дун*», на первый взгляд, имеет лирический характер, в ней поется о переживаниях героя, ожидающего вместе с родителями возвращения старших братьев с фронта. Вместе с тем она имеет также исторический характер. Уже в первой строке песни ясно указывается на время ухода на фронт старших братьев героя песни — «когда на Дону грохотала война». Это примерно следующий период: с осени 1941 г. фиксировалось наступление немецко-фашистских войск (первая оккупация Ростова-на-До-

[9] Пос. Кануково (бывший пос. Калмыцкий Базар) располагался в непосредственной близости, в 7 км, от г. Астрахани).

[10] Село Сайхин, располагающееся в самой западной точке Казахстана, ныне административный центр Бокейординского района Западно-Казахстанской области. Поселок Сайхин (название происходит от расположенного рядом лимана, от калм. *сәәхн* ‘красивый’) основан в 1905 г. в связи со строительством железной дороги Саратов – Астрахань [Сайхин].

[11] Западно-Казахстанская область образована 10.03.1932 в Казахской (тогда называвшейся Казакской) АССР в составе РСФСР (в 1936 г. была образована Казахская ССР). С 3 мая 1962 г. именовалась Уральской областью, с июля 1992 г. вновь носит название Западно-Казахстанская область. Административный центр — г. Уральск.

[12] Как отмечает К. Н. Максимов, «В 62 колхозах и 1 совхозе прифронтовых улусов на 1 августа 1942 г. в наличии находилось 393 477 голов скота (в т. ч. лошадей — 9 288, КРС — 36 163, овец — 344 013, верблюдов — 2 795, свиней — 1 218), из них были эвакуированы 258 478 (65,5 %), оставлены в колхозах и совхозе — 134 999 (34,5 %). В ходе перегона, несмотря на гораздо меньшее расстояние до берегов Волги, потери хозяйств прифронтовых улусов составили 23 192 головы скота (9,8 %). Переправлены были на левый берег Волги 235 286 голов скота, принадлежавшего этим хозяйствам, а также 287 805 голов, выведенных из оккупированных улусов. Так в результате оккупации части своей территории республика лишилась 1 491 818 голов скота, из этого числа эвакуированы были из оккупированных улусов — 519 354, прифронтовых — 258 478 и оставлены в оккупации — 713 498. В неоккупированных улусах после эвакуации оставалось всего 265 440 голов скота, в т. ч. в 62 колхозах и 1 совхозе — 134 999, в индивидуальном секторе (15 812 крестьянских дворов и 4 851 семья рабочих и служащих) — 130 441 (крупного рогатого скота — 49 720, овец — 66 590, свиньи — 4 635, лошади — 9 496). Но в этот период, т. е. во второй половине 1942 г., в разгар эвакуации скота, республика значительно перевыполнила планы сдачи мяса государству и в фонды Красной Армии» [История Калмыкии 2009: 493]. См. также: [Максимов 2015: 264–270].

ну началась 21.11.1941), в начале августа 1942 г. «войска Северо-Кавказского фронта покинули территорию Ростовской области и отступили далее на Кавказ» [Медведев 2015: 57], а 14 февраля 1943 г. состоялось окончательное освобождение г. Ростова-на-Дону.

В песне «*Ахнрин дун*» говорится о массовом призыве калмыков («*Дегц мордсн мана ахнр*» 'Разом ушедшие наши старшие братья'). Возможно, речь идет о призыве калмыков в национальные соединения, прежде всего, 110-ю Отдельную Калмыцкую кавалерийскую дивизию (110-я ОККД[13]).

В июне 1942 г. бойцы 110-й ОККД восстанавливали обрушившиеся при паводке окопы и рыли новые, а затем состоялось поистине масштабное противостояние: на участке между станицами Багаевской и Раздорской шириной в 58 км 110-я ОККД держала оборону трех переправ (в Раздорской, Мелиховской и Багаевской станицах), что, как отмечают У. Б. Очиров и А. С. Заярный, превышало «уставные плотности обороны в несколько раз даже для стрелковых дивизий (не говоря уже о том, что действующий на тот момент Боевой устав конницы (БУК–38) вообще не предусматривал использования кавдивизии в обороне)» [Очиров, Заярный 2017: 49].

Как известно, боевые действия на донских переправах были особенно активными летом 1942 г. [Медведев 2015]. Противостояние бойцов Калмыцкой кавалерийской дивизии против элитной дивизии вермахта «Великая Германия» было неравным, противник планировал на правом берегу Дона окружить и уничтожить войска Юго-Западного и Южного фронтов, для чего в этом направлении были сконцентрированы крупные силы, получившие новейшую технику и вооружение. Только «благодаря умелым действиям и мужеству командиров и бойцов, работавших и охранявших донские переправы на участке 110-й ОККД, было переправлено на южный берег более 425 тыс. человек, 215 танков, около 1 300 орудий, более 8 тыс. тракторов и автомашин (включая РСЗО), 10 тыс. повозок, 22 тыс. лошадей и т. д. Через эти переправы были выведены большая часть 37, 24 и 9-й армий, остатки других армий бывшего Юго-Западного фронта, которые сыграли важную роль в сдерживании противника на начальном этапе битвы за Кавказ. В результате этого планы немецкого главного командования по окружению Южного и Юго-Западного фронтов оказались сорваны, что предопределило неудачу вермахта в достижении главной цели кампании 1942 г. И 110-я ОККД внесла достойный вклад в срыв этих планов и целей» [Очиров, Заярный 2017: 59][14].

В песне упоминаются события 1942 г.: рытье окопов, переправа через Дон. В песне «*Ахнрин дун*» поется о вынужденной переправе вместе с тулупом и сапогами («*Дон һолын усиг / Девлтәһән, һостаһан һатллав*» 'Через реку Дон / В тулупе и сапогах я переправился'): возможно, речь идет о событиях холодного времени года — поздней осени 1942 г. – начале зимы 1943 г., когда калмыцкое национальное соединение участвовало в наступательных боях по освобождению Северного Кавказа.

Таким образом, можно предположить связь вышеуказанных исторических событий с содержанием песни «*Ахнрин дун*», которая, как и песня «Эвакуация», была сложена о событиях 1942–1943 гг.

Поэтическое содержание песен и их жанровый характер

Эпическая картина эвакуации, реально окружавшая ее участников, отражена в песне «Эвакуация» так же, как бои на Дону — в песне «Ахнрин дун». Это позволяет отнести их не только к историческим песням, но и к лирико-драматическим и даже лиро-эпическим.

[13] 110-я ОККД была сформирована согласно постановлению ГКО № 894сс от 13 ноября 1941 г., «16 мая 1942 г. была принята в состав действующей армии и на следующий день походным маршем выступила на фронт. К 20 июля дивизия была почти полностью укомплектована по штату и вооружена, имела 4 551 человек личного состава» [Очиров, Заярный 2017: 49].

[14] В дальнейшем 110-я ОККД участвовала оборонительных боях на рубеже реки Дон и в междуречье реки Сал и Манычского канала, в Сальских степях и под г. Ставрополем (Ворошиловск), выполняла боевую задачу по охране и обороне железной дороги Кизляр–Астрахань, принимала участие в Моздокской оборонительной операции, с декабря 1942 г. выполняла боевую задачу по прикрытию кавкорпусов при их наступлении на Ачикулак-Моздокском направлении, с 3 января по 28 января 1943 г. участвовала в наступательных боях по освобождению Северного Кавказа от немецких оккупантов [Солдаты Победы-2015: 24.].

Лирический характер песен отражен в переживаниях их героев, в эмоциональной (лирической) оценке автора песни. Эпический характер проявляется в хотя и сжатом, но повествовании о масштабных событиях: в первом случае это переход, включающий переправу через Волгу многотысячных стад скота во главе с их перегонщиками («*Борлад йовдг хөөдән / Богд ууларнь дәврүлҗ туулав…*» ‘Овец, от которых [степь] серой была, / Мимо горы Богдо я гнал….’), во втором случае — военное противостояние на реке Дон, также включающее переправу. Мотив переправы имеет ключевое значение для содержания этих песен, ведь в традиционной культуре калмыков переход через реку связан с понятием «граница», т. е. речь идет о событиях большого масштаба. С эпическим повествованием можно соотнести и часть текста песни, в котором говорится: *Җирн хонгт йовад, / Җирһлтә нутгтнь ирләв*. ‘Шестьдесят суток в пути проведя, / До земли, где не было войны, я дошел’. Буквальный перевод калмыцкого текста здесь: «до счастливой земли» (т. е. земли, где не было войны); точное указание временного действия также сравнимо с формулой «*долан долан — дөчн йисн хонг*» ‘семью семь сорок девять дней’[15], употребляемой в эпических песнях как обозначение окончательного временного отрезка.

В. Т. Сарангов в работе «Фольклор калмыцкого народа» пишет: «Лирические песни многообразны по тематике, а в зависимости от этого — и по персонажам. Объектом изображения в них являются многие стороны действительности. В лирических песнях отразились антиэксплуататорские настроения народа, любовные переживания, неурядицы семейной жизни, такие социально-бытовые явления, как батрачество, воинская служба, разбойничество, жизнь пастухов и рыбаков» [Сарангов 2012: 127].

Многие исследователи фольклора поддерживают тезис о том, что лирические песни возникли в недрах обряда и затем отделились от песен заклинательных или величальных, от песен-причитаний. Пример песен, вводимых в научный оборот, дает материал для их отнесения к таким переходным песням.

[15] Но в песне точно указывается период эвакуации, занявший два месяца или 60 дней.

В песне «*Ахнрин дун*» однозначно упоминается о «теплых слезах», которые появляются у героя при виде «неудержимо» выходящих из родного дома старших братьев, уходящих на войну. Вместе с тем это не песня-плач: в калмыцкой традиционной культуре слезы принято считать признаком не только горя, но и препятствий на пути, а потому, несмотря на препятствия, герой заклинает «*Деерк теңгрм өршәтхә*» ‘Пусть высшие небесные силы благословят (или: Пусть мое высшее небо благословит)’.

Благопожеланием звучат последние строки песни: «*Ирхәр одсн мана ахнр / Ирх болзгасн давв / Аавин уйсн эмәл, хазар / Авдртнь зеврнә / Аав, ээҗ менд йовхла / Аштнь эргәд ирхвидн*». В словах этих содержатся традиционные формулы. «Отправиться, чтобы возвратиться» — формула благополучно завершаемого пути, который в калмыцкой лингвокультуре описывается как путь вверх и возвращение вниз, или обратно (в то же время — на восток)[16]. Формула «отцом изготовленные седло и узда» отсылает нас к традиции передачи предметов, связанных с традиционно мужскими занятиями, от отца к сыну; «ржавчина» символизирует длительность пути братьев по дорогам войны, а формула «если будут родители живы, то возвратимся назад» отсылает к традиционным представлениям о взаимоотношениях поколений и необходимости передачи опыта и заботы о старших. Таким образом, текст песни «*Ахнрин дун*» включает традиционные формулы, которые могут быть отнесены к эпическим мотивам. Так тематика песни определяет ее поэтику.

[16] «Со значением глагола *буух* (спускаться, а также возвращаться — в высоком стиле) связан термин *бууц* — стоянка, стойбище, остановка, усадьба [Калмыцко-русский словарь 1977: 124]. Употребление данного глагола в высоком стиле (*дәәнәс бууҗ ирх* — возвращаться, букв. спускаться, с войны) связано со значением вертикального движения, понимаемого как круговое, возвратное. Возвращение, осмысляющееся в традиционной культуре как спуск (т. е. вариант движения вертикального), имеет значение и направления на восток: „*дорагшан*“ — не только „вниз“, но и „на восток“, „*дорагшалх** — спускаться; направляться на восток (КРС 1977: 207). Таким образом, путь (как дорога вверх, *өөдән*, и правильная, *зөв*) в традиционной калмыцкой культуре осмысляется как движение по кругу, приобретающее семантику вертикального движения» [Бакаева 2009: 17].

Еще более сложным в плане определения жанрового характера является пример песни «*Эвакуац*». Исторический и лиро-эпический характер ее сочетается с обрядовой семантикой, прослеживающейся в конце каждого куплета песни. Обрядовый характер проявляется во включении в ее текст проклятий (калм. *харал*) в адрес врага, которые звучат заклинаниями. В проклятьях, направленных в адрес конкретной личности — Гитлера, присутствуют традиционные формулы, свидетельствующие об эпическом характере текста песни (*Элкн, нурһн деерн өөк шархм лавта!* ‘На [твоей] спине жир точно поджарим!’; *Номин җидәр шахад алхм лавта!* ‘Праведным копьем пронзив, точно уничтожим!’; *Өргәд алхм лавта!* ‘Подняв, точно уничтожим!’; *Җид шорин үзүрәр шахад алхм лавта!* ‘Острием копья пронзив, точно уничтожим!’), но и более современные реалии военного времени (*Бу жидин үзүрәр өргәд алхм лавта!* ‘Подняв на штыке ружья, точно уничтожим!’; *Самолётын җиврәр дарад алхм лавта!* ‘Крылом самолета придавив, точно уничтожим!’; *Аля бомбин осколкар дарад алхм лавта!* ‘[Летящими] стремительно осколками бомбы точно засыплем!’).

Признаком заклятия-проклятия в тексте песни являются повторяющиеся как рефрен (главная мысль, главный замысел песни) словосочетания в процитированных строках, включающие глагол в повелительном наклонении и слово *лавта* ‘точно’: «точно уничтожим, точно поджарим, точно засыплем» и т. д. Поистине эпический характер имеет мотив поверженного на спину врага, на которой победитель поджаривает жир.

В тексте при разных вариантах заклятия -проклятия повторяется обращение *чамаг* ‘тебя’, которое символически «уменьшает» дистанцию между героем песни и врагом. И еще одна важная деталь: враг неизменно называется Гитлером, т. е. имеет конкретное лицо. Как считает исследующая язык депортационной травмы Э.-Б. М. Гучинова, в текстах, которые являются свидетельствами травмы, остаются непереведенными «слова, отражающие жестокие реалии и официальный репрессивный дискурс»: «Тексты песен о депортации четко показывают, что все эмоции — боль, обида, горечь, тревога, скорбь, а также слова молитв и другие фрагменты приватной сферы — все это выражено по-калмыцки. Официальная политическая терминология остается в калмыцком тексте по-русски, непереведенной, но не из-за проблемы адекватного перевода (в республике и до войны издавались официальные документы на калмыцком языке), а из неприятия и нежелания допускать термины отчуждения в родную речь» [Гучинова 2002].

Само название песни «Эвакуац» свидетельствует об этой же тенденции: термин не передается соответствующим термином или его описанием на калмыцком языке, он остается как непереведенное слово, маркирующее разрушительный процесс бегства, спасения, расставания и др. В этой же песне Гитлер не называется даже врагом, в тексте этот антигерой постоянно упоминается только по фамилии, что в контексте стилистики жанра проклятия должно обеспечить точное исполнение заклятия — и наречие *лавта*, имеющее в монгольских языках значение «точно, несомненно, действительно, наверняка, доподлинно, определенно, верно, конечно[17]», потому также повторяется из куплета в куплет, завершая это проклятье-харал в адрес фашистского лидера.

Поэтические средства в песнях «Эвакуация» и «Ахнрин дун»

В лирической песне важным элементом для понимания ее значения являются ключевые слова, употребляющиеся как средство художественной выразительности. Повторяемость — это организующий принцип построения лирической песни. Первые попытки объяснить происхождение словесных повторов в народной лирике были предприняты еще в XIX в. Например, П. П. Сокальский объясняет явление повторяемости физиологическими особенностями человека: «Чувство, однажды настроенное на известный лад, представляет собою материальное движение в нервах, которое по закону инерции усиливается удержаться в своем строе; оттого оно не так легко и быстро меняется, как мысли» [Сокальский 1888: 243].

Е. М. Мелетинский называет повторяемость текста и мелодии древнейшим принципом фольклора, а также одним из важнейших механизмов устного творчества, который поддерживает «определенную фольклорную эстетику» [Мелетинский 1968: 19].

[17] См.: [Калмыцко-русский словарь 1977: 333; БАМРС 2001: 297].

Исследователи считают, что изначально ритм формировал мелодию и развивающийся при ней поэтический текст. Когда же мелодия и поэтический текст оформились и песня приобрела жанровую специфику, в ряде песенных жанров ритм потерял свойство первоэлемента. Получается, что повторение элементов мелодии влияет на повторяемость тех или иных слов, которые могут являться ключевыми словами песни.

Б. М. Коваева отмечает: «Ритмическая основа и монгольских, и калмыцких народных песен составляет параллелизм. Под параллелизмом подразумевается особенность поэтической композиции, заключающаяся в сопоставлении одного действия (главного) с другими (второстепенными) действиями, увиденными (замеченными) в окружающем мире... В песенной поэзии монгольских народов используются все основные разновидности композиционного параллелизма: тематический, синтаксический, однократный, многократный, основанный на сопоставлении и противопоставлении (т. е. отрицательный параллелизм)» [Коваева 2017: 107].

Прежде всего необходимо отметить главную особенность анализируемых песен: смысловой параллелизм в них построен не на принципе главного и второстепенного действия. Оба действия составляют важную сюжетную линию.

В песне «*Эвакуац*» смысловой параллелизм включает три блока.

Первые два блока в каждом из куплетов построены на принципе отрицания: (1) «*Август сарин дөрвнд / Эвакуац кеһәд һарлав (2) Эвакуац кеһәд һарсндан зовсн угав, / Энләд үлдсн ээҗдән зовлав*» ‘(1) Четвертого августа / Отправился в эвакуацию, (2) Не за то, что отправился в эвакуацию, переживал, / За оставшуюся горевавшую мать переживал’. Таким образом, текст песни «Эвакуация» содержит строки, свидетельствующие об использовании приема синтаксического параллелизма с акцентом на положительный и отрицательный эквиваленты. Контрастное построение текста важно для противопоставления, которое подчеркивает главную мысль. Такое противопоставление горя и радости, положительных эмоций и горестных переживаний выразительно, оно часто встречается в народных песнях: ««*Сергмжтә һолан һатллав Сергмжтә һолыг һатлсндан зовсн угав Ардан үлдсн ээждән зовлав*» ‘Через бурную реку я переправился / Не за то, что через бурную реку переправлюсь, переживал / За мать, расставшуюся [со мной], переживал’.

Третий блок в каждом из куплетов этой песни имеет заключительный характер, подводящий итог, и представляет собой текст харала-проклятья, направленный против Гитлера: «*Энл[үл]әд [ээҗим] үлдәсн, Гитлер, чамаг Элкн, нурһн деерн өөк шархм лавта!*» ‘За то, что [мою мать] горевать заставил, Гитлер, тебя [подвергнем такому] — На [твоей] спине жир точно поджарим!’. Подобная структура позволяет соотнести ее со сложным жанровым характером этой песни, который мы определили как лирико-драматический (с возможным определением даже как лиро-эпический) и одновременно исторический, сочетающийся с обрядовым.

Песня «*Ахнрин дун*» имеет иную структуру. Каждый из ее куплетов включает два смысловых блока. Первый имеет сюжетный характер, отражающий реальные исторические события: (1) «*Донын һолын дәәнднь / Дегц ахнр мордва*» ‘На войну, [грохотавшую] на Дону, / Разом старшие братья ушли’; второй блок представляет собой текст благопожелания: «*Дегц мордсн мана ахнр / Дәәнәс менд иртхә*» ‘Разом ушедшие наши старшие братья / Пусть живыми вернутся с войны’. Такая структура также связана с жанровой принадлежностью песни, сочетающей лиро-драматический характер, историчность ее событий с обрядовыми элементами, представляющими в данном случае благопожелания (калм. *йөрәл*).

В текстах песен применяются разнообразные поэтические средства. Так, например, синтаксический параллелизм проясняет смысл текста, создается смысловая четкость за счет такого рода повторов: «*Борлад йовдг хөөдән / Богд уулярнь дәврүлҗ туулав / Богд уулярнь дәврсндән зовсн угав, / Ууляд үлдсн ээждән зовлав*» ‘Овец, от которых [степь] серой была, / Мимо горы Богдо я гнал. / Не за то, что гнал мимо горы Богдо, [я] переживал, / За оставшуюся [позади] плачущую мать переживал’.

Следующий тип повтора относится в песне к временным знакам: «*Август сарин дөрвнд ... Сентябрь сарин дөрвнд ... Хойр сарин туршарт йовад*» ‘Четвертого августа, …четвертого сентября, …находясь в пути на протяжении двух месяцев…’. При-

менение этого художественного средства маркирует путь, пройденный героем во время эвакуации, и подчеркивает нелегкий труд героя, дальность расстояния от родины до «счастливой», но чужой — казахской земли.

Образ оставшейся дома плачущей матери передается через переживания героя, и здесь лексические повторы используются для усиления передачи горя разлуки: «*Энлəд үлдсн ээҗдəн зовлав*» ‘За оставшуюся [дома] горевавшую мать переживал’; «*Нульмста үлдсн ээҗдəн зовлав*» ‘За мать, оставленную в слезах, переживал’; «*Ууляд үлдсн ээждəн зовлав*» ‘За мать, оставшуюся плачущей, переживал’. При этом исторический контекст, о котором знали авторы песни и ее первые исполнители, наполнял эти строки и другим смыслом: мать горюет и плачет не только и не столько об ушедшем выполнять свой долг сыне, сколько о разлуке именно в условиях приближающейся к их родному селу войны, которая меняет статус ее, вероятно, малолетнего или больного (поскольку он не был еще призван в Красную Армию) сына на статус, равный действующим красноармейцам. Соответственно, герой песни, уходящий в эвакуацию, так же, как и красноармейцы, вступает в противостояние с врагом — и потому его слова, заключающие каждый куплет в песне, обретают смысл военной клятвы-проклятья.

Во второй из анализируемых нами песен «*Ахнрин дун*» (‘Песня о старших братьях’), которая, по-видимому, сложена после событий 1942 г. на Дону, также наблюдается повторяемость различных лексических единиц, являющихся значимыми. И здесь повтор определенных слов несет в себе смысловую нагрузку акцентирования сюжетных действий. Например:

- «*Донын һолын дəəнднь..*» ‘На войну, грохотавшую на Дону…’; «*Дон һолын усиг ...*» ‘Через реку Дон…’;
- «*Дегц ахнр мордв*» ‘Разом старшие братья ушли’; «*Дегц мордсн мана ахнр*» ‘Разом ушедшие наши старшие братья’;
- «*Ирхəр одсн мана ахнр*» ‘Наших старших братьев, отправившихся, чтобы возвратиться’ «*Ирх болзгасн давв*» ‘Время возврата уже истекло’;
- «*Шинелəр орااнад кевтлəв*» ‘В шинель завернувшись, я лежал’ «*Шинелəр орااнад кевтв чигн*» ‘Хотя, в шинель завернувшись, я лежал’.

Выводы. В анализируемых песнях прослеживаются разнообразные поэтические средства: синтаксический параллелизм, повторы как средство художественной выразительности, организующее принцип построения лирической песни. В текстах песен отражены определенные символы традиционной культуры.

В песне «*Эвакуац*» рефреном звучит клятва — уничтожить врага в лице Гитлера. В песне «*Ахнрин дун*» рефреном звучит благопожелание воинам — старшим братьям.

Обе песни, сложенные в 1942–1943 гг., отражают исторические события того времени и могут быть отнесены к песням исторического характера. Вместе с тем они имеют лирико-драматическую составляющую, а некоторые их характеристики позволяют отнести их к лиро-эпическим песням. Но сложный характер их обуславливает необходимость рассмотрения их также как переходный тип песен, которые имеют обрядовое значение.

Песни — лирическая летопись времени. В них отражаются все вехи истории страны, боль и радость отдельных людей и всего народа. Прошло 74 года со дня Победы, но песни далеких и грозных лет звучат и сегодня, потрясая сердца молодого поколения.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Калмыкия в Великой Отечественной 1966 — Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 552 с.

Sources

[Kalmykia in the Great Patriotic War of 1941–1945: Documents and Materials]. Elista: Kalm. Book Publ., 1966. 552 p. (In Russ.)

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

Азиатский музыкальный 1816 — Азиатский музыкальный журнал. Астрахань, 1816. № 1. С. 65.

Бакаева 2014 — *Бакаева Э. П.* К вопросу об изучении гимнических песен в современном фольклоре ойратов и калмыков // Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики. Мат-лы междунар. науч.

конф., посвящ. 75-летию со дня рождения и 55-летию научно-педагогической деятельности профессора В. И. Рассадина. Элиста: КалмГУ, 2014. С. 353–361.

Бакаева 2009 — *Бакаева Э. П.* Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 158 с.

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 2. Д–О / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 536 с.

Басангова 2010 — *Басангова Т. Г.* Обрядовая поэзия // Калмыки. Серия «Народы и культуры». М.: Наука, 2010. С. 335–339.

Басангова, Манджиева 2003 — *Басангова Т. Г., Манджиева Б. Б.* Песни скорби и печали // Политические репрессии в Калмыкии в 20–40-е гг. XX в. Элиста: КИГИ РАН, 2003. С. 185–190.

Биткеев 2005 — *Биткеев Н. Ц.* Калмыцкий песенный фольклор. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 214 с.

Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.

Борлыкова 2014 — *Борлыкова Б. Х.* О классификации калмыцких народных песен [электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16941 (дата обращения: 01.02.2019).

Гучинова 2002 — *Гучинова Э.-Б.* Кто старое помянет, кто старое забудет: о стиле переживания калмыками депортационной травмы [электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 2. URL: http://www.old.jourssa.ru/2002/2/4aGuchinova.pdf (дата обращения: 01.02.2019).

Дорджиева 1999 — *Дорджиева Г. А.* Типология интонационно-ритмических форм в напевах *ут дун* — калмыцких протяжных песен // Традиционное искусство и человек: тезисы XIX научной конференции молодых фольклористов памяти А. А. Горковенко. СПб.: РИИИ, 1999. С. 28–30.

Дорджиева 2000 — *Дорджиева Г. А.* Калмыцкие протяжные песни. Опыт структурно-типологического и историко-стилевого исследования: дис. … канд. иск. СПб., 2000. 188 с.

Дорджиева 2018 — *Дорджиева Г. А.* Протяжные песни калмыков: история одного сюжета: исследование и тексты с аудиоприложением. СПб.: Композитор. Санкт-Петербург, 2018. 128 с.

История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 тт. Элиста: Герел, 2009. Т. 2. 840 с.

Калмыцкая народная 1963 — Калмыцкая народная песня / сост. Волькович Н. К., Эрендженов Н. Ц.. Элиста: Мин-во культуры КАССР, 1963. 64 с.

Коваева 2017 — *Коваева Б. М.* Калмыцкая народная песенная поэзия: традиция, современное состояние и формы бытования: дис. … канд. фил. наук. Элиста, 2017. 222 с.

Калмыцко-русский словарь 1977 — Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

Максимов 2015 — *Максимов К. Н.* Эвакуация скота Калмыкии летом 1942 г.: причины ее провала // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: мат-лы Всероссийской науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 264–270.

Манджиева 2014а — *Манджиева Б. Б.* К вопросу изучения калмыцких народных песен // Культура, искусство, художественное образование: региональные особенности, традиции, новации. Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М. А.), 2014. С. 52–56.

Манджиева 2014б — *Манджиева Б. Б.* К вопросу изучения калмыцких религиозных песен [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2014. № 4. С. 99–106. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_24/7557-mandzhieva.html (дата обращения: 01.02.2015).

Медведев 2015 — *Медведев М. В.* Боевые действия на донских переправах в июле 1942 г. // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: мат-лы Всероссийской науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 53–57.

Мелетинский 1968 — *Мелетинский Е. М.* Эдда и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. 367 с.

Нефедьев 1934 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1834. 286 с.

Оконов 1989 — *Оконов Б. Б.* Дууна үндснь — жиphл // Төрскн hазрин дуд. Элст: Хальмг дегтр haphач, 1989. С. 3−26.

Оконов 1984 — *Оконов Б. Б.* Калмыцкие народные исторические песни 17–18 вв. // Калмыцкая народная поэзия. Элиста: Респ. тип., 1984. С. 30–58.

Омакаева 2010— *Омакаева Э. У.* Концепт «дән/война» в калмыцкой лингвокультуре (на ма-

териале песен периода Великой Отечественной войны) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 71–73.

Очиров 2006 — *Очиров Н.* Живая старина. На калм. и рус. яз. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 398 с.

Очиров, Заярный 2017 — *Очиров У. Б., Заярный С. А.* 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия на защите донских переправ и ее роль в спасении части войск Южного фронта летом 1942 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 6. С. 43–61.

Паллас 1799 — *Паллас П. С.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. В 4 ч. Ч. 7. СПб.: Имп. Академия наук, 1799. 388 с.

Руднев 1909 — *Руднев А. Д.* Мелодии монгольских племен // Сборник в честь 70-летия Григория Николаевича Потанина. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1909. С. 395–430.

Рыбаков 1897 — *Рыбаков С. Г.* Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта [электронный ресурс] // Записки Императорской Академии наук. VIII серия по историко-филологическому отд. Т. II. № 2. СПб.: Императорская Академия Наук. 1897. С. 330. URL: https://www.prlib.ru/item/818650 (дата обращения: 01.02.2019).

Сайхин — Сайхин [электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сайхин (дата обращения: 30.03.2019).

Сарангов 2012 — *Сарангов В. Т.* Фольклор калмыцкого народа. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012.135 с.

Сокальский 1888 — *Сокальский П. П.* Русская народная музыка, великорусская и малорусская в ее строении, мелодическом и ритмическом, и отличия ее от основ современной гармонической музыки. Харьков: тип. А. Дарре, 1888. 368 с.

Солдаты Победы — Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 373 с.

Сто калмыцких песен 1991 — Сто калмыцких народных песен / сост. Л. Ц. Цебиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.

Төрскн hазрин 1989 — Төрскн hазрин дуд / сост. Оконов Б. Б. Элст: Хальмг дегтр hаphач, 1989. 318 с.

Убушиева 2013 — *Убушиева Д. В.* О калмыцких народных песнях, записанных В. Л. Котвичем // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 78–80.

Хабунова 1998 — *Хабунова Е. Э.* Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия: исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 223 с.

Хабунова 2005 — *Хабунова Е. Э.* Гулмт. Хальмгудын әмдрлин эргцин заң-үүл болн амн үүдәвр (= Очаг. Обряды и обрядовый фольклор жизненного цикла калмыков). На калм. яз. Элиста: НПП «Джангар», 2005. 206 с.

Шивлянова 1999 — *Шивлянова В. К.* Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 года // Из истории русской фольклористики. СПб.: Дм. Буланин, 1999. Вып. 4–5. С. 541–560.

Шивлянова 2010 — *Шивлянова В. К.* Музыкальная культура // Калмыки. Серия «Народы и культуры». М.: Наука, 2010. С. 342–345.

Эрдниев 2007 — *Эрдниев У. Э.* Музыкально-танцевальный фольклор // Максимов К. Н., Эрдниев У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. 4-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. С. 349−355.

Kalmyk folklore 2011 — Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid-19th Century. Philological Studies On the Basis of Gabor Balint of Szentkatolna's Kalmyk Texts / Ed. by A. Birtalan with the collaboration of T. G. Basangova (Bordzanova) and with the assistance of B. B. Gorjajeva. Budapest: Library of the Hungarian Academy of Sciences, 2011. 380 p.

Pallas 1776 — *Pallas P. S.* Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften / durch P. S. Pallas [электронный ресурс] // Bd. 1. St. Petersburg 1776. XIV, 232 с., [8] л. ил. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/25491-bd-1-1776#mode/grid/ (дата обращения: 01.02.2019).

Ramstedt 1962 — *Ramstedt G. J.*, *Balinov Sh., Aalto P.* Kalmükische Lieder (= Калмыцкие песни). Aufgezeichnet von G. J. Ramstedt, bearbeitet und herausgegeben von Sh. Balinov und Pentti Aalto (= Записано Г. Й. Рамстедтом, отредактировано Ш. Балиновым и П. Аалто). Helsinki. 1962. 126 p. [Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja (= Журнал Финно-угорского общества). Vol. 63. No. 1].

Ramstedt, Aalto 1966 — Torgutische Lieder (= Торгутские песни). Aufgezeichnet von G. J. Ramstedt, bearbeitet und herausgegeben von Pentti Aalto (= Записано Г. Й. Рамстедтом, отредактировано П. Аалто). Helsinki, 1966. 14 p. [Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja (= Журнал Финно-угорского общества). Vol. 67. No. 3].

References

[A History of Kalmykia: from the Earliest Time to the Present Days]. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. 840 p. (In Russ.)

[Great Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Vol. 2: letters 'Д – О'. G. Ts. Pyurbeev (ed.). Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Russ. and Mong.)

[Kalmyk-Russian Dictionary]. Moscow: Russkii Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)

[One Hundred Kalmyk Songs]. L. Ts. Tsebikov (comp.). Elista: Kalm. Book Publ., 1991. 128 p. (In Kalm.)

[Soldiers of the Victory]. Vol. 2: a name list of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2015. 373 p. (In Russ.)

[Songs of the Homeland]. Okonov B. B. (comp.). Elista: Kalm. Book Publ., 1989. 318 p. (In Kalm.)

[The Kalmyk Folk Song]. T. Volkovich N. K., Ehrendzhenov N. Ts. (comps.). Elista: Ministry of Culture of Kalm. ASSR, 1963. 64 p. (In Russ.)

Asian Musical Journal. Astrakhan, 1816. No. 1. P. 65. (In Russ.)

Bakaeva E. P. [Sacral Codes of Kalmyk Culture]. Elista: Inst. for Compreh. Research of Arid Territories (IKIAT), 2009. 158 p. (In Russ.)

Bakaeva E. P. Studies dealing with hymnal songs in modern folklore of the Oirats and Kalmyks revisited. In: [Topical Issues of Contemporary Mongol and Altaic Studies]. Conf. proc. Elista: Kalm. State Univ., 2014. Pp. 353–361. (In Russ.)

Basangova T. G. Ceremonial poetry. In: [The Kalmyks]. Ser. 'Peoples and Cultures'. Moscow: Nauka, 2010. Pp. 335–339. (In Russ.)

Basangova T. G., Mandzhieva B. B. Songs of grief and sorrow. In: [Political Repressions in Kalmykia: 1920–1940s]. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2003. Pp. 185–190. (In Russ.)

Bitkeev N. Ts. [Kalmyk Song Folklore]. Elista: Dzhangar, 2005. 214 p. (In Russ.)

Bordzhanova T. G. [Ceremonial Poetry of the Kalmyks: Genre System, Poetics]. Elista: Kalm. Book Publ., 2007. 592 p. (In Russ.)

Borlykova B. Kh. About classification of the Kalmyk folk songs. *Modern Problems of Science and Education*. 2014. No. 6. An Internet resource: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16941 (accessed: February 1, 2019). (In Russ.)

Dordzhieva G. A. [Kalmyk Lingering Songs: an Effort of Structural-Typological and Historical-Stylistic Analysis]. A Cand.Sc. (art criticism) thesis. St. Petersburg, 2000. 188 p. (In Russ.)

Dordzhieva G. A. [Lingering Songs of the Kalmyks: a History of One Plot Revisited]. Suppl. with audio files. St. Peterburg: Kompozitor, 2018. 128 p. (In Russ.)

Dordzhieva G. A. '*Ut dun*', or Kalmyk lingering songs: a typology of intonational-and-rhythmic forms. In: [Traditional Arts and the Man]. Conf. proc. St. Petersburg: Rus. Inst. of Art History, 1999. Pp. 28–30. (In Russ.)

Erdniev U. E. Musical and dance folklore. In: Maksimov K. N., Erdniev U. E. [The Kalmyks: Historical and Ethnographic Essays]. 4th ed., rev. and suppl. Elista: Kalm. Book Publ., 2007. Pp. 349−355. (In Russ.)

Guchinova E.-B. Some would recall the past, others would forget the past: the deportation trauma negotiating strategies adopted by Kalmyks. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2002. Vol. 5. No. 2. An Internet resource: http://www.old.jourssa.ru/2002/2/4aGuchinova.pdf (accessed: February 1, 2019). (In Russ.)

Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid-19th Century. Philological Studies On the Basis of Gabor Balint of Szentkatolna's Kalmyk Texts. Ed. by A. Birtalan with the collaboration of T. G. Basangova (Bordzanova) and with the assistance of B. B. Goryaeva. Budapest: Library of the Hungarian Academy of Sciences, 2011. 380 p. (In Eng.)

Khabunova E. E. [Kalmyk Wedding Ceremonial Poetry: a Case Study and Related Materials]. Elista: Kalm. Book Publ., 1998. 223 p. (In Russ.)

Khabunova E. E. [The Hearth: Rituals and Life-Cycle Ceremonial Folklore of the Kalmyks]. Elista: Dzhangar, 2005. 206 p. (In Kalm.)

Kovaeva B. M. [Kalmyk Folk Song Poetry: traditions, contemporary state, and current forms]. A Cand.Sc. (philology) thesis. Elista, 2017. 222 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. Evacuation of Kalmykia's livestock in the summer of 1942: causes of the failure. In: [The 1941–1943 Battles in South Russia and Their Impact to the Great Victory]. Conf. proc. (Rostov-on-Don, June 3–6, 2015). Rostov-on-Don: Southern Sc. Center of RAS, 2015. Pp. 264–270. (In Russ.)

Mandzhieva B. B. Studies dealing with Kalmyk folk songs revisited. In: [Culture, Arts, Artistic Education: Regional Peculiarities, Traditions, Innovations]. Makhachkala: ALEF (Ovchinnikov M. A.), 2014. Pp. 52–56. (In Russ.)

Mandzhieva B. B. To the issue of studying the Kalmyk religious songs. *New Research of Tuva*. 2014. No. 4. Pp. 99–106. An Internet resource:

https://www.tuva.asia/journal/issue_24/7557-mandzhieva.html (accessed: February 1, 2015). (In Russ.)

Medvedev M. V. Hostilities along Don river crossings in July of 1942. In: [The 1941–1943 Battles in South Russia and Their Impact to the Great Victory]. Conf. proc. (Rostov-on-Don, June 3–6, 2015). Rostov-on-Don: Southern Sc. Center of RAS, 2015. Pp. 53–57. (In Russ.)

Meletinsky E. M. [The Poetic Edda and Early Epic Forms]. Moscow: Nauka, 1968. 367 p. (In Russ.)

Nefedyev N. A. [Detailed Data about the Volga Kalmyks]. St. Petersburg: Karl Kray, 1834. 286 p. (In Russ.)

Ochirov N. [The Living Antiquity]. Elista: Kalm. Book Publ., 2006. 398 p. (In Kalm. and Russ.)

Ochirov U. B., Zayarny S. A. The 110th Separate Kalmyk Cavalry Division in the defensive battles for Don river crossings and its role in the rescue of some Southern Front units in the summer of 1942. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2017. No. 6. Pp. 43–61. (In Russ.)

Okonov B. B. 17th/18th-century Kalmyk folk historical songs. In: [Kalmyk Folk Poetry]. Elista: Republ. Print. House, 1984. Pp. 30–58. (In Russ. and Kalm.)

Okonov B. B. The essence of any song is happiness. In: [Songs of the Homeland]. Elista: Kalm. Book Publ., 1989. Pp. 3−26. (In Kalm.)

Omakaeva E. U. The concept of '*дөн / war*' in Kalmyk linguistic culture (a case study of (Kalmyk-language) songs of the Great Patriotic War era). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2010. No. 1. Pp. 71–73. (In Russ.)

Pallas P. S. *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften* [Collected Historical Data about Mongolic Peoples]. Vol. 1. St. Petersburg, 1776. XIV, 232 p. An Internet resource: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/25491-bd-1-1776#mode/grid/ (accessed: February 1, 2019). (In Germ.)

Ramstedt G. J., Aalto P. *Torgutische Lieder. Aufgezeichnet von G. J. Ramstedt, bearbeitet und herausgegeben von Pentti Aalto* [Torghut Songs. Rec. by G. J. Ramstedt, ed. by P. Aalto]. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*. Helsinki, 1966. Vol. 67. No. 3. 14 p. (In Germ.)

Ramstedt G. J., Balinov Sh., Aalto P. *Kalmükische Lieder. Aufgezeichnet von G. J. Ramstedt, bearbeitet und herausgegeben von Sh. Balinov und Pentti Aalto* [Kalmyk Songs. Rec. by G. J. Ramstedt, ed. by Sh. Balinov and P. Aalto]. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*. Helsinki. 1962. Vol. 63. No. 1. 126 p. (In Germ.)

Rudnev A. D. Melodies of Mongolic tribes. In: [Coll. Scholarly Papers to Commemorate the 70th Anniversary of Prof. Grigory N. Potanin]. St. Peterburg: W. Kirschbaum, 1909. Pp. 395–430. (In Russ.)

Rybakov S. G. Music and songs of Uralic Mohammedans, and an essay on everyday life of the latter. *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk*. Ser. VIII: Department of History and Philology. Vol. II. No. 2. St. Petersburg: Imp. Acad. of Sc., 1897. P. 330. An Internet resource: https://www.prlib.ru/item/818650 (accessed: February 1, 2019). (In Russ.)

Sarangov V. T. [Folklore of the Kalmyk People]. Elista: Kalm. State Univ., 2012.135 p. (In Russ.)

Shivlyanova V. K. Kalmyk songs recorded in the stanitsa of Denisovskaya (Salslky District) in November of 1902. In: [Glimpses of the History of Russian Folklore Studies]. St. Petersburg: D. Bulanin, 1999. Is. 4–5. Pp. 541–560. (In Russ.)

Shivlyanova V. K. Musical culture. In: [The Kalmyks]. Ser. 'Peoples and Cultures'. Moscow: Nauka, 2010. Pp. 342–345. (In Russ.)

Sokalsky P. P. [Great and Little Russian Folk Music: Melodious and Rhythmic Structures, and Differences from Fundamentals of Modern Harmonious Music]. Kharkov: A. Darre, 1888. 368 p. (In Russ.)

Ubushieva D. V. Kalmyk folk songs recorded by W. Kotwicz. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2013. No. 1. Pp. 78–80. (In Russ.)